

РАЗДЕЛ III. СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.161.1'367.625

Балута А.А.

Московский государственный областной университет

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ГЛАГОЛЬНЫХ ИМЁН В ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ И СЕМИТСКИХ ЯЗЫКАХ (ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

A. Baluta

Moscow State Regional University

FORMATION OF VERBAL NOUNS IN INDO-EUROPEAN AND SEMITIC LANGUAGES (PSYCHOLINGUISTIC ASPECT)

Аннотация. В данной статье рассматривается история возникновения глагольного имени в индоевропейских и семитских языках с привлечением данных психолингвистики и новых теорий глоттогенеза. Автор даёт определение понятию «глагольное имя» и доказывает существование глагольно-именного субстрата, который заключал в себе предикативную основу синтаксических конструкций в древнейших языках. Исследование проводится на базе особенностей менталитета представителей индоевропейской и семитской языковых семей, базирующихся на различиях функционирования нейронных структур головного мозга.

Ключевые слова: глагольное имя, индоевропейские и семитские языки, психолингвистика.

Abstract. The article examines the history of the verbal noun in Indo-European and Semitic languages, involving data and new theories of psycholinguistics and glottogenesis. The author defines the notion of “verb name” and proves the existence of verbal-nominal substrate, which contained the predicative syntactic structures in ancient languages. The research is based on the characteristics of mentality of speakers of Indo-European and Semitic languages conditioned by differences in brain neural functioning.

Key words: verbal name, Indo-European/Aryan and Semitic languages, psycholinguistics.

Глагол, по определению «Русской грамматики», – это «часть речи, обозначающая процесс и выражающая это значение в категории вида, залога, наклонения, времени и лица; глагол обладает также категориями числа и – в формах прошедшего времени и сослагательного наклонения – категорией рода» [11, с. 456]. К категории имени в русском языке (как и во многих других индоевропейских языках) относятся: имя существительное, имя прилагательное и имя числительное [11, с. 457]. В данном исследовании мы изучаем первые два разряда имён. *Имя существительное* – «часть речи, обозначающая предмет (субстантивацию) и выражающая это значение в словоизменяемых категориях числа и падежа и в несловоизменяемой ка-

тегории рода» [11, с. 460]. **Имя прилагательное** – «часть речи, обозначающая непроецессуальный признак предмета и выражающая это значение в словоизменительных морфологических категориях рода, числа и падежа» [11, с. 540].

При сопоставлении морфологических характеристик имён существительного и прилагательного можно отметить, что несловоизменительной является лишь категория рода существительного. Это явление характерно для многих языков в современном состоянии, когда род имени существительного закреплён в словарях, при этом родовая принадлежность существительных в разных языках может быть различной, что создаёт определённые трудности при переводе. Однако если рассмотреть данное явление в более древних языках индоевропейской семьи, например в санскрите, можно наблюдать изменение рода существительных в рамках коммуникативных единиц (предложение, текст) в зависимости от рода существительного-доминанты. Такое изменение рода в современных индоевропейских языках обычно наблюдается у прилагательных, которые вступают в согласование с существительными. Следовательно, можно предположить, что в древнейших индоевропейских языках граница между существительными и прилагательными была менее выраженной и что эти разряды имён имеют единую исходную основу. Более того, в данной работе мы постараемся установить, что имя и глагол, при всей противоположности этих категорий в современных языках, в древнейшем языковом состоянии также имели единую исходную основу. Эту основу мы будем называть термином *глагольное имя*.

Глагольное имя в индоевропейских языках по своим морфологическим характеристикам противопоставлено спрягаемой глагольной форме, то есть, прежде всего, оно является неличной формой. Правда, в семитских языках, например, в иврите, возможно присоединение местоимённых суффиксов к некоторым глагольным именам. Так, в библейском и в современном иврите местоимённые суффиксы, подобные глагольным окончани-

ям, могут присоединяться к инфинитиву [8, с. 213]. Однако присоединение местоимённых суффиксов не делает данную форму спрягаемой, а лишь указывает на косвенный субъект действия. В истории семитских языков также были случаи присоединения местоимённых суффиксов к причастиям настоящего времени [4, с. 247], но данный процесс привёл к преобразованию глагольного имени в спрягаемую глагольную форму.

Наличие остальных глагольных категорий (время, залог и др.) у глагольного имени является допустимым и может варьироваться, в зависимости от этапа исторического развития конкретного языка. Таким образом, класс глагольного имени в нашем определении включает в себя все неспрягаемые глагольные формы, которые характеризуются как субстантивные или адъективные и обладают категориями рода, числа и падежа, в зависимости от наличия данных категорий в конкретном языке на конкретном этапе исторического развития.¹ В наших исследованиях мы объединили термином «глагольное имя» инфинитивы, герундии, герундивы, супины, причастия, имена действия и вторичные отглагольные существительные, которые появились в новых языках путём преобразования древних глагольных имён. Историю формирования системы глагольных имён мы рассматриваем на материале индоевропейских и семитских языков с привлечением данных нейропсихолингвистики и новых теорий глоттогенеза.

Процесс эволюции всех языковых систем непосредственно связан с развитием нейронных структур головного мозга человека. Современное состояние науки позволяет установить, какие именно отделы головного мозга отвечают за восприятие и формирование определённых языковых моделей на разных уровнях языка. Участками головного мозга человека, отвечающими за логическую обработку информации, признаются префронтальные отделы коры больших полушарий,

¹ Имена числительные имеют более узкую семантическую специализацию, поэтому выходят за границы данного исследования.

управляющие выбором слов и движением логики в тексте [3, с. 53]. При этом доказано, что формирование коммуникативного поведения напрямую зависит от особенностей функциональной асимметрии мозга: левое и правое полушарие соотносятся с разными уровнями языковой системы [9, с. 116]. Кроме того, для понимания происхождения языка также не следует оставлять без внимания участие подкорковых структур головного мозга, в частности обнаруженных Дж. Риццолатти и М. Арбибом «зеркальных нейронов», имеющих отношение к чувственному восприятию действительности и более или менее активированных у разных народов на разных этапах исторического развития [3, с. 13]. Все указанные нами физиологические особенности мозга человека оказывают своё влияние на формирование морфологии и синтаксиса языка.

Морфологическая форма и синтаксическая конструкция по праву могут быть оценены как носители информации о языке, а также об особенностях мышления индивида [12, с. 12]. Мировосприятие отдельного человека и целого народа, соответственно, находит отражение в морфологических формах и синтаксических структурах, которые формируются для выражения мысли в процессе коммуникации. Существуют языки (М. Бейкер называет их «полисинтетическими» [2, с. 117]), где имя и глагол могут соединяться в одно целое (санскрит, могавк). Особенности морфологических форм и синтаксических конструкций конкретного языка и целых языковых семей базируются на особенностях мировосприятия народа-носителя языка, что, в свою очередь, непосредственно связано с особенностями эволюции нейронных структур головного мозга. Все эти изменения могут иметь наследственный характер, а это позволяет выдвигать новые гипотезы по поводу истории языкового родства и перспектив языковой эволюции отдельных народов. Изучая национальные черты мировосприятия человека, необходимо обратиться к существующему в философии понятию «картина мира».

По мнению В.И. Постоваловой, «картина мира» представляет собой целостный образ

действительности, возникающей в сознании человека в ходе его контактов с миром. Этот образ формируется на базе активного познания, в форме, доступной для человеческого восприятия, и воспринимается как сама реальность. Он опосредует все акты человеческого мировосприятия и мироопределения [10, с. 25]. «Картина мира» у каждого человека индивидуальна, однако имеет общие черты у представителей одного народа, что отражается на всех уровнях языковой системы. В языках, не являющихся полисинтетическими, но тяготеющих к синтетическому типу, тем чаще встречаются синтетические морфологические формы и синтаксические конструкции, чем сильнее «космическое» представление у их народов-носителей о категориях пространства и времени. Ярким примером тяготения к синтетическому типу мышления здесь может служить *древнегреческий язык*, известный нам от Гомеровского периода. В нём присутствуют и многообразные определения, и составление многоуровневых синтаксических конструкций по принципу «матрёшек», возможность обширной субстантивации по причине представления всего последующего действия как единой картины (субстантивируются не только отдельные слова, но словосочетания и даже предложения), употребление многочисленных полупредикативных конструкций (причастных и инфинитивных оборотов) вместо развёрнутых сложноподчинённых предложений. С.С. Аверинцев объяснял особенность философии древних греков «космичностью» их представления о бытии, противопоставляя этому мировосприятие семитов, отражённое в тексте Библии. «Если мир греческой философии и греческой поэзии – это «космос», т. е. законосообразная и симметричная пространственная структура, то мир Библии – это «олам», т. е. **поток временного свершения**, несущий в себе все вещи, или мир как история. Внутри «космоса» даже время дано в модусе пространственности: в самом деле, учение о вечном возврате, явно или неявно присутствующее во всех греческих концепциях бытия, как мифологических, так и фи-

лософских, отнимает у времени столь характерное для него свойство *необратимости* и придаёт ему мыслимое лишь в пространстве свойство *симметрии*. Внутри «олама» даже пространство дано в модусе временной динамики – как «вместилище» необратимых событий» [1, с. 269].

Древнегреческую «космичность» пространственно-временных категорий можно противопоставить общесемитскому мировосприятию не только в рамках библейского текста, но и на материале более древних памятников семитских языков. По мнению И.С. Ключкова, уже *авилонскому* восприятию времени была присуща конкретность, то есть «время воспринималось не как абстрактная чистая длительность, а в неразрывной связи с потоком событий, их участников, всей цепью поколений, и, возможно, даже местом действия» [7, с. 13]. «Другой отличительной чертой вавилонского представления о времени является линейность, под которой понимается отсутствие ярко выраженного циклизма» [7, с. 21]. Линейность и конкретность семитского представления о времени являются характерными признаками *аналитического* типа мышления, которое находится в ведении префронтальных отделов коры головного мозга. Однако грамматический анализ семитов несколько отличается от индоевропейского грамматического анализа. Причины этих различий объясняются особенностями работы левого и правого полушарий [9, с. 117].

Кроме того, нельзя сказать, что именно древнегреческий прототип синтетического восприятия пространственно-временных категорий является характерным для всех индоевропейских языков. В индоевропейской семье также существует иной тип грамматического выражения пространства и времени.

В противоположность древнегреческому варианту мировоззрения можно представить мировоззрение древних римлян – носителей латинского языка. «Если у греков пространственно-временное восприятие находилось под сильным воздействием мифологического осмысления действительности, то римские

историки были более восприимчивы к линейному течению времени, и ход истории они осмысливают, опираясь на определённые исходные моменты действительности истории (основание Рима и т. д.)» [5, с. 31]. Это положение в полной мере подтверждает грамматика латинского языка, где уже в классический период «линейность» синтаксических отношений преобладает над синтетическими структурами: гораздо меньше вариантов, чем в древнегреческом, абсолютных причастных оборотов, отсутствует обширная субстантивация, но в то же время сильнее логическая, структурная организованность сложноподчинённых конструкций. Логическая упорядоченность латинской грамматики классического периода столь высока, что не возникает сомнений в преобладании у представителей народа-носителя латинского языка аналитического типа мышления. В дальнейшем это явление находит своё отражение в том, что в лингвистике признаётся явная тенденция к аналитизму большинства романских языков, которые, в свою очередь, вышли из народной латыни.

Противопоставление древнегреческого и латинского мировоззрения и грамматической организации языковых систем по принципу синтетизма и аналитизма приводит к мысли о первичности одного из способов познания мира. В области нейронных структур головного мозга синтетический путь познания (который предшествует анализу, а не следует за ним) имеет отношение к подкорковым структурам и выражается в сенсорном восприятии информации. Следовательно, этот путь познания по праву признаётся первичным [12, с. 16]. Исторически сложилось так, что древнегреческий язык признаётся более древним, чем латинский, следовательно, он в большей степени представляет синтетический способ познания. Одним из самых древних индоевропейских языков, представляющих синтетизм грамматических структур, является санскрит. Однако истоки образования глагольных имён, представляющих собой синтез глагола и существительного, следует искать в более древних языках. Полисинте-

тические языки, существующие в настоящее время, на наш взгляд, представляют лишь следы тех возможностей соединения глагола и имени, которые существовали в наиболее ранних языковых системах. В древние времена синтетичность мировосприятия в грамматике заключалась в том, что высказывания могли строиться без привычной для современности предикативной основы. Вместо неё существовал некий *субстрат*, одновременно обладающий свойствами субъекта и предиката. Этот субстрат и представлял собой древнее *глагольное имя*.

Шумерский язык, древнейший из известных науке письменных языков, не относится ни к семитской, ни к индоевропейской языковой семье. Однако он обладает чертами праосновы обеих систем. В нём глагольное имя представлено чистой корневой морфемой (иногда с одним-двумя формантами). При этом грамматические характеристики данной формы подвижны: одно и то же глагольное имя в различных синтаксических ситуациях могло выполнять функции инфинитива, причастия, прилагательного и имени действия [6, с. 180]. Таким образом, шумерское глагольное имя с неопределёнными синтаксическими характеристиками наиболее близко соотносимо с понятием глагольно-именного субстрата, который лежит в основе происхождения глагольного имени.

Существование субстрата языковой материи признаётся такими психолингвистами, как В.Л. Деглин, Л.Я. Балонов, И.Б. Долинина [9, с. 118]. Не только в психолингвистике, но и во многих других научных дисциплинах (например, физика, химия и др.) признаётся наличие субстрата существующих в природе вещей и субстанциональной действительности в целом. «Необходимо признать в природе два рода субстанций: одна форма и другой материя; ибо необходимо должна быть субстанциональнейшая действительность, в которой заключается активная потенция всего, а также наивысшая потенция и субстрат, в которой содержится пассивная потенция всего: в первой имеется возможность делать, во второй – возможность быть сделанным» [12,

с. 9]. Субстанциональная действительность и субстрат по отношению к языковой материи можно рассматривать в синхроническом и диахроническом аспекте. В синхронном плане субстратом какой-либо формы можно назвать *основной минимальный структурный элемент языковой единицы* на всех уровнях языковой системы (фонема, корень, грамматическая основа и др.). Основное свойство субстрата – его неделимость при сохранении параметров данной языковой единицы. В диахроническом аспекте субстрат можно рассматривать как *исходный элемент определённой языковой формы, существующий на разных этапах эволюции конкретного языка или группы родственных языков*. По отношению к наиболее древнему языковому состоянию субстратом грамматических категорий имени и глагола мы будем считать древнее *глагольное имя*, следы которого сохранились в шумерском языке.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аверинцев С.С. Порядок космоса и порядок истории в мировоззрении раннего средневековья (общие замечания) // Античность и Византия. – М.: Наука, 1975. – С. 266-285.
2. Бейкер М. Атомы языка: Грамматика в темном поле сознания / Пер. с англ.; Под ред. О.В. Митрениной, О.А. Митрофановой. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 272 с.
3. Бурлак С.А. Происхождение языка: новые материалы и исследования. – М.: РАН ИНИОН. Отд. языкознания, 2007. – 80 с.
4. Гранде Б.М. Введение в сравнительное изучение семитских языков. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1998. – 439 с.
5. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. – М.: Искусство, 1972. – 318 с.
6. Канева И.Т. Шумерский язык. – 2-е изд., доп. и перераб. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. – 240 с.
7. Ключков И.С. Духовная культура Вавилонии: человек, судьба, время. – М.: Наука, 1983. – 552 с.
8. Ламбдин Т.О. Учебник древнееврейского языка. – Изд. 2-е, перераб. – М.: РБО, 2000. – 508 с.
9. Нейропсихоллингвистика: Хрестоматия / Составитель К.Ф. Седов. – М.: Лабиринт, 2009. – 304 с.
10. Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 8-69.

11. Русская грамматика: научные труды / Н.С. Авилова, А.В. Бондаренко, Е.А. Брызгунова, С.Н. Дмитренко, И.Н. Кручинина, В.В. Лопатин, М.В. Ляпон, В.А. Плотникова, М.С. Суханова, И.С. Улуханов, Н.Ю. Шведова. – Репринтное издание. Т. II. – М.: Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2005. – 712 с.
12. Халина Н.В. Категория градуальности в морфологии. (Сравнительная степень прилагательных). – Барнаул: Издательство Алтайского гос. университета, 1996. – 229 с.